

Повествование обрывается на фигуре В.И. Шункова. Остаётся только гадать, о чём хотел поведать историк дальше. Собирался ли он подробно описать годы идеологических кампаний борьбы с «объективизмом», а затем и «космополитизмом»? Или решил сознательно это пропустить? Собирался ли давать, как часто делают учёные, мемуарные портреты коллег-современников? Решился бы на политические заявления или ограничился только наукой? Вопросов много, но, скорее всего, ответа на них уже не будет.

Немаловажен и вопрос о том, когда хотел публиковать свои мемуары сам автор. Всё указывает на то, что они не должны были появиться при его жизни. Об этом свидетельствуют и резкие оценки многих коллег: «Этот алкоголик и ничтожный человек» (о П.П. Епифанове); «непроходимая дура» (о жене А.А. Савича, ещё работавшей в Институте истории на момент написания мемуаров) и многие другие. В прижизненных воспоминаниях такое позволяют себе только скандалисты. Черепнин – не из таких. Кроме того, он довольно подробно описал свой лагерный опыт. Очевидно, что мемуары были рассчитаны на посмертную публикацию.

Методологическое развитие Черепнина закончилось более или менее удачно: марксистскую методологию он усвоил¹¹. Но это был уже не «вульгарный» марксизм 1920-х гг., а добротный, респектабельный, органично переплетающийся с высочайшим источниковедческим мастерством. Именно он оказался востребованным в 1930–1960-е гг. и стал визитной карточкой советской исторической науки. Такой марксизм не вызывал у Черепнина отторжения. Был ли Черепнин конформистом? Наверное. Нонконформистом он точно не являлся, охотно пользовался официальным дискурсом, с помощью которого объяснял окружающую реальность. Тот же А.А. Зимин зло фрондирует, а если и использует «нормативную» официальную лексику, то в противоположных контекстах, придавая ей новые смыслы. А Черепнин использует фразы именно так, как предписано. Если репрессии – то «нарушения законности», если белые – то «белогвардейщина», если сталинизм – то «господство культа личности» и т.д. Может, это дань цензуре? Не думаю. Черепнин именно так мыслил, а советский строй казался ему незыблемым. Всё это не в упрёк. Просто А.А. Зимин к концу жизни старался перестать быть советским историком, а Черепнин всю жизнь пытался им стать. И в этом смысле «Моя жизнь» – прекрасный памятник советской исторической науке, написанный одним из самых ярких и талантливых её представителей.

Павел Уваров: «Берём на себя ответственность!»: Русский медиевист и институты представительства¹²

Pavel Uvarov (Institute of World History, Russian Academy of Sciences; National Research University Higher School of Economics, Moscow): «We take responsibility!»: Russian medievalist and institutions of national representation

В 1974 г. в Институте всеобщей истории обсуждали судьбу первого варианта «Истории крестьянства в Европе», подготовленного под руководством С.Д. Сказкина и Л.В. Черепнина. Труд двух академиков был «торпедирован»

¹¹ Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин: судьба и наука (1905–1977) // Черепнин Л.В. Моя жизнь... Т. 1. С. 373.

¹² Материал подготовлен при поддержке РНФ, проект № 16-18-10393 «Самоорганизующиеся структуры средневекового города: генезис, классификация, механизмы функционирования».

тремя докторами. По свидетельству очевидца, министр — медиевист В.Н. Данилов — негодовал по поводу того, что советские учёные пишут с оглядкой на какого-то «французика из Бордо», бдительный Ю.М. Сапрыкин возмущался тем, что при анализе «Варварских правд» не освещена классовая борьба, а сменивший С.Д. Сказкина на посту заведующего сектором Средних веков А.Н. Чистозвонов сказал, что не берёт на себя ответственности за такой труд. Это был приговор всей работе. В наступившей тишине раздался голос Черепнина: «И не надо, мы берём на себя ответственность!»¹³.

«Сигналы» докторов всё же перевесили мнение академика, работа над рукописью была остановлена и возобновилась лишь в начале 1980-х, после того, как директором ИВИ стала З.В. Удальцова. Но это было уже другое издание, Льва Владимировича не было в живых, его разделы, посвящённые русскому крестьянству, продолжил В.Д. Назаров. Я же начал со столь яркого эпизода, чтобы показать не только принципиальность Черепнина, но и его открытость к сотрудничеству с цехом медиевистов.

Термин «медиевист» в нашей традиции обладает двойственностью: в энциклопедиях *медиевистикой* называют раздел исторической науки, изучающий историю европейского Средневековья, однако оговаривается, что иногда *медиевистами* именуют и тех, кто изучает историю этого периода и в других регионах. В СССР учение о единой феодальной формации способствовало расширительной трактовке термина «медиевист». Сейчас же это — дело традиции, конкретной ситуации и личного выбора. Но Лев Владимирович свой выбор сделал давно: медиевистами были его учитель Д.М. Петрушевский и один из самых уважаемых им коллег — А.И. Неусыхин, о которых в своих воспоминаниях он отзывается с неизменной теплотой. Результатом его работы в семинаре Петрушевского стала источниковедческая статья, посвященная «Капитулярию о поместьях»¹⁴. В другом исследовании он последовательно применял компаративный подход при анализе книги копий земельных актов Московской митрополичьей кафедры, сопоставляя её с картуляриями монастырей Клуни, Сен-Бертен, Сен-Пьер де Шартр¹⁵. Обе статьи готовились до его ареста, в ту пору, когда Черепнин марксистом ещё не стал, что было даже подтверждено справкой. И, действительно, выпускник РАНИОН сопоставлял русские средневековые памятники с западными исходя не из законов феодальной формации, но основываясь на типологии источников.

Последние годы все так радовались юбилею постановления 1934 г. «О преподавании гражданской истории»¹⁶, что предшествующий период жизни советских историков предстает сродни «вавилонскому пленению». Мемуары Льва Владимировича возвращают ценность «РАНИОНовской» эпохе, когда методология могла ещё быть не единой, «всеобщники» работали в одних семинарах с «русистами», догматичные марксисты хоть и не совсем мирно, но всё-таки

¹³ «Если это опубликовать, они вас разорвут...» Беседа с И.Н. Осиневским. Публикация А.Ю. Митрофанова // Французский ежегодник 2010: Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохи Наполеона. М., 2011. С. 389.

¹⁴ Черепнин Л.В. К вопросу о составе и происхождении «Capitulare de villis» // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1934. № 5. С. 359–386.

¹⁵ Черепнин Л.В. Из истории древнерусских феодальных отношений XIV–XVI вв. // Исторические записки. 1940. Т. 9. С. 31–80.

¹⁶ Всегда любил рассказ И. Ильфа и Е. Петрова «Разговоры за чайным столом», опубликованный в 1934 г., но только сейчас, из воспоминаний Льва Владимировича узнал, что современники видели в участниках этого диалога Сталина и его сына Василия.

уживались с историками-«объективистами». Без этого опыта в советской историографии соединение марксизма с профессионализмом шло бы по совсем иной траектории.

Позже, оказавшись в стенах Института истории, Черепнин много и плодотворно сотрудничал с медиевистами-«западниками»¹⁷, часто возвращаясь к проблеме сопоставимости социальных и политических структур Руси и Латинского Средневековья. Он опубликовал свои историографические размышления по вопросу, который казался ему исключительно важным — о феодализме на Руси¹⁸. К тому времени Черепнин, конечно, давно стал марксистом, и его марксизм был органичен и лишён всякого двоемыслия. Но он не постулирует универсальность феодального способа производства, а обстоятельно проводит историографическую инвентаризацию дебатов, последовавших после дерзкого вызова Павлова-Сильванского. В отличие от многих, Лев Владимирович не собирался сопоставлять Русь с абстрактным Западом. Поскольку, по словам Н.И. Кареева, на Западе феодализм «имел очень несходные черты в разных странах»¹⁹, стоит прибегнуть к типологии, а «типология отечественного феодализма при всей его специфике и своеобычности лежит в границах европейского набора моделей феодальных обществ»²⁰. Это давало возможность не искать на Западе прообраз любого русского средневекового института, а спокойно говорить о типологическом (структурном или стадийном) сходстве моделей.

В 1971 г. в «Средних веках» вышел обзор работы Комиссии по истории представительных и парламентских учреждений при Международном комитете исторических наук²¹. Лев Владимирович был одним из её вице-президентов и писал по свежим следам сразу после памятного XIII Конгресса в Москве. Это был вполне формальный отчёт для раздела «Хроника», но и в нём видна главная мысль автора, не скрывавшего эмоций. «Наши феодальные земские соборы вошли в качестве составного элемента в типологию средневековых общеевропейских сословных учреждений» — пишет он о своей комиссии, но тут же констатирует, что, несмотря на все его усилия, включить феодальную «русскую повестку» в работу иных секций не удалось. В итоге на Конгрессе «общая типология феодализма в Европе обошлась без Руси, как будто Русь — это не Европа»²² — возмущается автор по поводу, весьма актуальному как тогда, так и сейчас. Больше в «Средних веках» он не публиковался²³, но интереса к рассмотрению российских представительных институтов как составной части общеевропейского явления, конечно же, не потерял. Об этом и свидетельствует книга «Земские соборы русского государства в XVI—XVII веках».

Подозреваю, что внимание моих коллег по обсуждению будет приковано к первому тому, поэтому остановлюсь подробнее на втором томе издания. Сейчас, без малого 40 лет спустя, эта работа впечатляет сочетанием ясности

¹⁷ Достаточно указать, что о нём с уважением отзывается А.Я. Гуревич, мягко говоря, не склонный к комплиентам в адрес отечественных коллег.

¹⁸ Черепнин Л.В. К вопросу о сравнительно-историческом методе изучения русского и западноевропейского феодализма в отечественной историографии // Средние века. Вып. 32. М., 1969. С. 262–270.

¹⁹ Там же. С. 264.

²⁰ Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин — судьба и наука... С. 378.

²¹ Черепнин Л.В. История представительных и парламентских учреждений в Средние века // Средние века. Вып. 34. М., 1971. С. 60–65.

²² Там же. С. 64.

²³ Это, возможно, было связано с тем, что главным редактором стал А.И. Данилов.

задач с дотошным стремлением к исчерпанности. Среди главных целей, наряду с восстановлением конкретной картины и рассмотрением эволюции Земских соборов в процессе развития государства, указывалось их сопоставление с сословно-представительными институтами других стран для выявления общего и особенного. С первыми двумя задачами академик справляется, на мой взгляд, удачно. Подкупает его здравый смысл и источниковедческая интуиция: построению типологии соборов должна предшествовать типология сохранившихся источников. Третья задача была намечена лишь в виде эскиза к будущей работе.

Свой обширный очерк историографии Лев Владимирович начинает с цитаты С.Л. Авалиани, ещё 100 лет назад писавшего о величайшей политизированности проблемы представительства. За прошедший век политизированности меньше не стало, ведь вопрос о русском представительстве увязывают с определением политических перспектив России и её цивилизационной принадлежности. Содержательный, хотя и лаконичный обзор того, что было сделано в этой области после 1978 г., В.Д. Назаров начинает с указания на первую попытку вернуться к обобщениям и сопоставлениям, прерванным почти 40 лет назад. Речь идёт о международной конференции, проведённой в 2013 г.²⁴ Её организаторы предполагали, что ключевым событием года станет коммеморация Собора 1613 г., выведшего страну из Смуты, что даст возможность задуматься об исторических корнях российского представительства и парламентаризма. Вышло иначе. Как и век назад главным событием года стал юбилей дома Романовых и шире — русская монархическая традиция (вспомним хотя бы грандиозную выставку в Манеже!). Впрочем, самодержавие всегда перевешивало представительство в умах историков. В советский период абсолютизму посвящались масштабные дискуссии, а о соборах спорили гораздо меньше.

Так и не став «гвоздём» года, конференция, тем не менее, прошла очень интересно и привлекла внимание международной исторической общественности²⁵. Готовясь к ней, В.Д. Назаров попросил меня написать пригласительные письма западным коллегам. Взглянув за это, я понял, что не могу перевести словосочетание «сословное представительство» ни на один из языков. В «Википедии» я обнаружил, что если статья «Абсолютизм» существует на полусотне языков — от бретонского до корейского, то текст о «Сословном представительстве» имеется лишь на русском и украинском. Понять причину такого положения помог доклад М.А. Бойцова на той же конференции. Данный термин, исключительно российский, родился в основном усилиями Н.И. Кареева, находившегося под влиянием юридических понятий, зафиксированных в Своде законов Российской империи. Русский термин «сословие» лишь весьма приблизительно передавал значение соответствующих западных терминов даже для конца XVIII в., не говоря уже о средневековом периоде. Если же говорить о западном представительстве периода Средних веков и Раннего Нового времени, то, по мнению М.А. Бойцова, «ценность средневекового политического собрания состоит вовсе не в том, что на нём представлены *все части* некоего целого, а в том, что представлено (пускай «лишь» символически) всё целое, даже

²⁴ Сословное представительство в России в контексте европейской истории. Вторая половина XVI — середина XVII вв. Международная конференция. Тезисы докладов. М., 2013.

²⁵ Этой теме был посвящён специальный блок в престижном испанском журнале: *Las instituciones representativas de la Edad Moderna desde el punto de vista de la historiografía Rusa // Historia moderna. Salamanca. Vol. 37. 2015. P. 19–122.*

если какие-то его части технически отсутствуют»²⁶. Задачи обеспечить право голоса представителям неких реальных, но чаще мифических групп властями ставилась не всегда, если вообще ставилась. И монархи вовсе не стремились отразить в этих ассамблеях некую «реальную» социальную иерархию.

Внимательный к языку источника Лев Владимирович ощущал, что с условиями в представительных собраниях что-то не так. «Чины», собираемые государем на Собор, совсем не походили на французские «Три сословия» образца 1789 г. Каждый раз они могли группироваться или даже именоваться по-разному. Например, в документах Собора, созванного в 1566 г. по «Полоцкому вопросу», перечисляются восемь категорий участников, высказывавших своё мнение — «духовенство, боярская дума, дворяне первой статьи, дворяне и дети боярские второй статьи, торопецкие помещики, луцкие помещики, дьяки и приказные люди, гости, купцы (москвичи и смоляне)». Для сословного деления, пусть даже *феодальной монархии с сословным представительством*, такие группы выглядят странно, не говоря о том, что они не отражают социально-политических реалий (нет упоминаний об опричнине) и что на следующем Соборе эти категории будут уже другими. В рамках того же Собора 1566 г. при утверждении грамоты участники сортируются по иному принципу: они разделены на пять групп — архиепископы и епископы, которые «к грамоте руки свои приложили и печати привесили», архимандриты, игумены и старцы («руки свои приложили»), бояре, окольные, приказные люди, дьяки («государю крест целовали и руки свои приложили»), княжата, дети боярские и дворяне («крест целовали»), гости и купцы («крест целовали»). Если исходить из прагматических соображений, отражённых в источнике, всё вполне ясно: власти сперва запрашивают мнение конкретных людей и заручаются их поддержкой, а затем регулируют процесс подтверждения ими грамоты. Но, если видеть в этом Соборе орган представительства *сословного* и полагать, что за каждым термином стояла реальная сословная группа, тогда с неизбежностью последует и вывод: «отсутствие чёткости и последовательности в распределении сословных групп в двух перечнях свидетельствует о недостаточной оформленности сословного строя централизованного государства. Сама терминология, касающаяся сословных отношений, была неустойчивой» (т. 2, с. 110—111).

Через 100 лет ситуация если и изменилась, то не кардинально. Так, в акте Собора 1653 г., предшествовавшего Переяславской раде, говорилось, что соборные представители были «допрашиваемы по чинам, порознь». Чинов названо много — стольники, стряпчие, дворяне московские, дьяки, жильцы, дворяне и дети боярские из городов, головы стрелецкие, гости, люди гостиный и суконой сотен, черных и дворцовых сотен и слобод, стрельцы. Но «допросы» всех этих участников Собора были сведены в две рубрики: «Речи» служилых людей и «речи» торговых людей. Кроме того, имелся ещё и «приговор» бояр.

Л.В. Черепнин честно констатирует противоречивость наблюдаемого процесса, который вёл к «консолидации дробности социальных группировок в рамках феодального строя», но одновременно и к «консолидации сословий, перерастанию “чиновного строя” в сословный» (т. 2, с. 389).

²⁶ Бойцов М.А. Сословно-представительная монархия: ошибка в переводе? // Средние века. Исследования по истории Средневековья и Раннего Нового времени. Вып. 75 (3—4). М., 2015. С. 70. Признаюсь, что данный текст мне показался столь важным, что я опубликовал его, перехватив у В.Д. Назарова, но обещав, что, когда выйдет том материалов конференции 2013 г., текст Бойцова в нём будет иной, расширенный и дополненный.

Это писалось в 1970-е гг. Во Франции в ту пору ещё слышались отдалённые раскаты прошлых споров о том, было ли общество Старого порядка классовым или сословным (точнее «обществом чинов» — *société des ordres*), ещё велись поиски некой «реальной» синтетической социальной иерархии. Но вскоре историки осознали необходимость смены самой постановки вопроса²⁷. Сейчас же вполне очевидна утрата доверия «к принятому в XIX–XX вв. способу описания средневекового общества в форме рассказа о социальных институтах, согласно которому статус лиц, их взаимные права и обязанности воспринимались как некие устойчивые и предрешённые факты и поэтому для занятия социальной историей достаточным казалось лишь описать общество в простых категориях и однозначных терминах... Социальные обозначения не есть что-то пустое, но они подвижны и привязаны к жизненным ситуациям, которых историк не всегда может знать»²⁸.

Изучать социальную стратификацию русского общества необходимо, но её нельзя напрямую и в простых терминах списать из источников, порожденных Соборами. И это — «плохая новость» для историков России. «Хорошая новость» заключается в том, что у тех, кто изучает Запад, дело обстоит так же. Зарубежные коллеги не случайно молчат о «сословном представительстве».

В статье, опубликованной по итогам коллоквиума 2013 г., Д.В. Лисейцев критикует историков, азартно выискивающих всё новые Соборы конца XVI — первой трети XVII в. На эти «соборы» зачастую вообще никого не выбирали, а назначали, причём с учётом наших расстояний и беспокойного времени во многих городах могли и не знать о судьбоносных решениях, принимаемых от их имени. Зачастую принцип всесословности даже и не пытались соблюдать, когда запрашивалось мнение определённой группы лиц (например, торговых людей). Но вывод автора: «утвердившееся в исторических работах мнение о том, что начало XVII в. было периодом расцвета политического института Земских соборов, нуждается в пересмотре» справедлив лишь в том случае, если соборы считать представительством непременно *сословным* — тогда их ущербность трудно скрыть. Но кто сказал, что у властей была цель обеспечить адекватное представительство и учёт интересов сословий? Поэтому более справедливым представляется другое замечание Лисейцева: «Земские соборы в начале XVII в. воспринимались не столько как собрания представителей различных сословий, сколько как съезд лиц, представляющих разные земли Московского царства: созывая Собор, правительство ставило целью в первую очередь добиться именно территориального, а не сословного представительства»²⁹.

На Западе часто дело обстояло именно так. Я вовсе не стремлюсь доказать, что у нас было всё так же, как и на Западе. Просто на Западе с представительством всё было не так, как полагали в российской историографии 100 или 50 лет назад. Очень часто представительство (или даже соучастие в управлении, «партиципация») являлось именно территориальным³⁰.

Почти все черты, с помощью которых доказывали стадильную отсталость русского представительства, его неразвитость, а то и полное несоответствие

²⁷ *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001. С. 88–129.

²⁸ *Дубровский И.В.* Феодализм в представлении современных медиевистов // Всемирная история в шести томах. Т. 2. Цивилизации средневекового Запада и Востока. С. 19.

²⁹ *Liséyev D.V.* «Zemsky sobors» of the late 16th — early 17th century in Russia: Historiographical stereotypes in the reflection of historical sources // *Historia moderna*. Vol. 37. 2015. P. 88–89.

³⁰ *Блокманс В.* Об условиях эффективного соучастия в политическом управлении при Старом порядке // Средние века. Исследования по истории Средневековья и Раннего Нового времени. Вып. 75 (3–4). 2015. С. 43–65.

термину, можно найти и на Западе. Ущербность российского представительства видели в том, что часто интересы горожан представляли правительственные агенты. Но на французских Генеральных штатах 1614 г. депутаты Третьего сословия почти поголовно были не купцами и не ремесленниками, а королевскими чиновниками и судейскими. Часто на Соборы участников не приглашали, а назначали, но такими же были, например, ассамблеи нотаблей, игравшие важную консультативную и репрезентативную роль, 15 раз созываемые французскими королями с 1470 по 1788 г. На Руси собирались «судебные Соборы» с несвойственными представительству функциями, но Английский парламент, считающийся образцом представительного института, по мнению Ф. Мэйтланда, в XVI в. не столько представлял интересы подданных, сколько выполнял роль королевского совета — «*curia regis*», а также верховного суда.

Парламент французский, как раз и бывший верховным королевским судом, напротив, часто претендовал на функцию представительства, выражая интересы отдельных провинций или корпораций³¹. Выборы на Земские соборы в тех редких случаях, когда мы что-то знаем об их процедуре, были далеки от демократических форм. Но знакомство с выборными системами средневекового Запада, порой весьма сложными и формализованными, показывают, что их целью было не выявление предпочтений избирателей, но определение воли Бога, чаще всего с помощью жребия. Как и на Руси, на Западе абсолютизм лишь в теории сменял «представительную монархию», а на деле сосуществовал с ней, как сосуществовали те же Соборы времён Ивана Грозного с «крепостнической диктатурой» опричнины. Если что и находится в обратно пропорциональной зависимости с традиционными представительными институтами в России и на Западе, так это развитие бюрократии. И для западных представительных ассамблей, и для российских Земских соборов широкое поле деятельности для историков представляет анализ различных политических ритуалов и символических церемоний, выразивших и одновременно творивших определённую политическую философию.

Значит ли это, что русские Соборы и советы являлись лишь одним из вариантов европейского представительства? Я бы не торопился с положительным ответом. Общеизвестно, что до определённого времени Древняя Русь не просто походила на страны Запада, она и была его органической частью, локальным вариантом, наподобие скандинавских стран или англо-саксонских королевств. Поиски параллелей и совпадений в данном случае — дело для историков вполне обыденное (институт дружины, Великий Новгород, столь похожий на «Республику Св. Марка», да и сам «дух совета», о котором писал в своё время Ю.П. Малинин³²). Дальше обычно говорят о монгольском завоевании, прервавшем естественное развитие Руси, хотя иногда отмечают усиление авторитарных начал в землях Северо-Восточной Руси ещё с конца XII в. С Ордой не поспоришь. Однако опыт работы над средневековым томом «Всемирной истории» показал, что не столько у нас нарушилось нормальное развитие, сколько латинский Запад радикально изменил траекторию своего исторического пути, уйдя с нормальной колеи, характерной для большинства регионов Старого света в тот период.

³¹ *Цатурова С.К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012. С. 157–195.

³² *Малинин Ю.П.* Средневековый «дух совета» // *Малинин Ю.П.* Франция в эпоху позднего Средневековья. СПб., 2008. С. 52–69.

Одной из отличительных черт «мирового Средневековья» была огромная роль кочевых конфедераций, особенно кочевых империй. Далекие от однозначности, но, как правило, драматичные взаимоотношения кочевников и их соседей, порождали события, отголоски которых, как круги на воде, расходились по сторонам Ойкумена, затрагивая всё новые регионы. Одним ответом на «кочевой вызов» было укрепление империй³³, которым приходилось тратить громадные средства на содержание армии, укреплений и, главное, могучей бюрократии. Другим вариантом был откуп от кочевников, уплата постоянной дани, третьим — содержание на своей территории кочевой по происхождению военной элиты. Существовали и иные типы отношений, обычно переплетающиеся между собой. В систему таких взаимодействий постепенно втягивались и страны, достаточно отдалённые от степной границы. В целом этот процесс увеличивал роль насилия и принуждения в жизни регионов.

В многообразии вариантов исторического развития «отец социологии» Ибн-Хальдун, магрибский мыслитель рубежа XIV—XV вв., выявил общий сценарий: завоевание — создание сильного государства — расцвет материальной и духовной культуры, сопровождавшийся политической фрагментацией — ослабление государства, междоусобицы, мятежи и, наконец, — приход нового народа-завоевателя из степи, пустыни или с гор, народа, привыкшего к лишениям и наделённого особой воинственной сплочённостью (асабия), ослабевающей через четыре—пять поколений после завоевания³⁴. Но некоторые регионы этот круговорот так и не затронул. Востоковед В. Либерман назвал их «защищёнными зонами»³⁵. В силу географического положения и стечения иных обстоятельств, за политическую фрагментацию им не приходилось расплачиваться завоеванием со стороны наделённых асанией или (если угодно — «пассионарных») варваров или со стороны империй, закалённых в борьбе с кочевниками. Таковы Япония, некоторые районы Юго-Восточной Азии, Южная Индия и, конечно, Западная Европа.

Отсутствие прямых контактов со Степью после Тысячного года³⁶ само по себе не было движущей причиной «Взлёта Европы», её динамизма и поступательного развития, но сделало его возможным. Здесь не место останавливаться на ходе этого процесса³⁷, результатом которого стало создание чрезвычайно устойчивого «Христианского мира», как называл себя Латинский Запад. В XI—XIII вв. он был максимально приближен к «идеальному типу» феодализма. Беспрецедентная роль церкви во главе с римским папой, ставшим альтернативным императору центром власти, обрекала на поражение все попытки объединить Запад под дланью светского правителя, обеспечивая при этом цивилизационное единство «Христианского мира». В условиях, когда важнейшую роль в выстроенной пирамиде властных отношений играла система вассально-ленных связей, позиция папы была неизменно очень сильной. Вассалы, изменившие клятве верности, принесённой

³³ Впрочем, и кочевые империи были своеобразным ответом на «вызов» со стороны империй оседлых. См.: Барфилд Т.Д. Опасная граница. Кочевые империи и Китай. (221 г. до н.э.—1757 г.н.э.). СПб., 2009.

³⁴ Смирнов А.В. Ибн Халдун и его «новая наука» // Историко-философский ежегодник. 2007. М., 2008. С. 159—186.

³⁵ Lieberman V. Strange Parallels: Southeast Asia in Global Context, c. 800—1830. Vol. 2: Mainland Mirrors: Europe, Japan, China, South Asia, and the Islands. Cambridge, 2009.

³⁶ Поход «Батыевой рати», лишь в силу случайного стечения обстоятельств повернувшей в степь с берегов Адриатики, показывает, чем могли закончиться эти контакты.

³⁷ См.: Великая мутация запада (X—XII века) // Всемирная история в 6 томах. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012. С. 414—467.

на святых мощах или причастии, могли подпасть под церковное отлучение. Но от верности королю-тирану, не уважающему права церкви, вассалы могли быть освобождены папой, а на всё королевство наложен интердикт. И тогда монарх шёл на попятный. И только созыв Генеральных штатов, начиная с 1302 г., позволил французскому королю уйти от этой угрозы. Установление иного, не вассального (или не только вассального) типа связи короля и подданных изменило баланс сил в отношениях алтаря и трона.

Сеньориальная система оказалась экономически эффективной. Указанный период отмечен бурным демографическим и экономическим ростом Запада. Залогом успеха сеньора здесь была не столько милость государя (чаще всего не имевшего материальной возможности для выражения этой милости), сколько хозяйственные успехи зависимых от него держателей. При фиксированных повинностях и слабом аппарате принуждения сеньоры для удовлетворения своих растущих потребностей стимулировали повышение производительности труда, освоение новых земель и были крайне заинтересованы в доходах от торговли. Классовой идиллией это не являлось, но ни одного крестьянского восстания вплоть до середины XIV в. Запад не знал. Чрезвычайно важную роль сыграло оживление торговли (сказалась географическая открытость морю) и рост городов.

Вообще распутывать клубок взаимосвязей, объясняющий «Взлёт Европы» — задача сродни расшифровке генома. Но важно подчеркнуть: хотя насилия на средневековом Западе хватало, централизованного характера оно чаще всего не носило. Ресурсы светской власти были невелики, бароны сидели в замках, города окружены неприветливыми стенами, на страже церковных прав и привилегий стоял Рим, а соседи были опасными соперниками. Если король систематически обирал «денежных людей», то деньги могли легко перетечь к соседу, увеличивая его ресурсы. В Европе сложились уникальные условия для того, чтобы описанный Пушкиным «диалог злата и булата» заканчивался в пользу первого. С подданными надо было договариваться, причём даже тогда, когда сил у центральной власти прибавилось, и появилась бюрократия.

Неожиданные успехи коммун, в первую очередь в Северной и Средней Италии, на фоне соперничества папской и императорской власти, дали старт важнейшему процессу. В городах появились новые социальные группы профессиональных правоведов, теологов-схоластов, ораторов и грамматиков. Всё новые сферы жизни описывались в правовых терминах, обретая юридическую форму. Появилось каноническое, феодальное, манориальное, городское, торговое, кутюмное право. Саморегулирующиеся сообщества, чьё рождение — один из «секретов Запада», быстро обрели форму «universitas» или корпорации, юридического лица. Историки Руси любят писать о различного рода корпорациях, забывая, что это лишь метафора, а словарное определение этого термина к русским реалиям вряд ли применимо.

Юридическую защиту получало право собственности, неписанные обычаи обретали письменную форму и уже не исчезали из правового поля, подвергаясь комментированию, выделению дефиниций и дистинкций по законам схоластики. Ораторы возрождали античные образы «консулов», народных трибунов, «народа» и «тиранов», обогащая копилку политических понятий. Правовая максима «quod omnes tangit ab omnibus approbre debet» не была на Западе пустой фразой. И, наконец, единожды возникнув в результате уникального стечения обстоятельств (как, например, болонские и парижские прото-университетские центры), учреждения получали форму корпораций, закреплённую в папских буллах и королевских

привилегиях, а затем уже тиражировались по всему Христианскому миру. Благодаря фиксации обычаев, свобод и привилегий, комментируемых юристами, следы существования представительных институтов и саморегулирующихся сообществ на Западе, как правило, не приходится разыскивать с лупой.

Консультации властей с определёнными кругами элиты имели место, разумеется, не только на Западе. Иван Пересветов, прославляя деяния Мегмет-салтана, напоминал, что тот «помыслил с сеиты и с молнами и пашами и обызами» (т. 2, с. 95). Сколь бы ни были грозны и сильны правители империи Чингисхана, ограничить роль курултая они не могли, да и не пытались. «Сотрясатель вселенной» Тимур проводил совещания со своими войсками. И всё же правители неевропейских регионов всегда имели иные способы диалога с подданными, резюмированными в картине Верещагина «Апофеоз войны». Соблазн использовать эти методы был слишком велик.

Если же говорить о русском представительстве, то оно по-своему уникально. Не обладая тем «строительным материалом»³⁸, на котором базировались западные представительные институты, возникнув в других условиях и с иными задачами, оно оставило после себя на порядок меньше источников, но функционировало весьма успешно. Не знаю, где ещё за пределами Латинского Запада представительство достигало таких масштабов. Поэтому отмахнуться от полуторавековой традиции государственного опыта было бы по меньшей мере странно. Осознав различия с аналогичными западными институтами, можно заняться поисками сходства и сравнительным анализом³⁹.

Л.В. Черепнин пришёл работать в единый Институт истории, отметивший, кстати, в 2016 г. своё 80-летие. С 1968 г. российская и всеобщая история изучаются в отдельных институтах, порознь же они и отметили юбилей. Я не хочу, чтобы наши институты объединялись. И никто не хочет, кроме, может быть, ФАНО. Но взаимных контактов и совместной работы, о которой, как некогда Лев Владимирович, кто-нибудь сказал бы: «Берём ответственность на себя!», нам всё-таки очень не хватает.

Сергей Мироненко: Воспоминания уникальны и неповторимы
Sergey Mironenko (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Memories are unique and unrepeatable

Появление в печати воспоминаний академика Льва Владимировича Черепнина, выдающегося историка русского Средневековья, несомненно, примечательное явление в нашей отечественной историографии. До последнего времени широкой исторической общественности ничего не было известно о том, что Л.В. Черепнин оставил воспоминания. Опубликовавший их В.Д. Назаров, один из учеников Льва Владимировича, установивший, что рукопись была

³⁸ Впрочем, источники заимствования могли быть и общие с Западом, где с середины XIV в. в церковных спорах все громче заявлял о себе консильяризм, исходящий из приоритета Собора над Папой. В православии же роль церковного (освященного) Собора всегда была чрезвычайно высока. И в том, и в другом случае это отражалось на деятельности представительных институтов.

³⁹ Сейчас, когда все историки знают хотя бы английский язык, стоит ли им черпать сведения из «вторых рук» отечественных медиевистов? Сомнение справедливое. Но всё же российские «всеобщники», изучающие чужую историю на расстоянии, обладают хотя бы одним преимуществом. У нас возможен более обобщённый взгляд, позволяющий отслеживать процессы на большей хронологической и пространственной протяжённости, чем это принято у западных коллег.